

МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ

рассказ

Беззаботный бриз взьерошил волосы, Захар мотнул головой – мол, уйди, не до тебя, и бриз тут же стих. Солнце щедро рассыпало лучи по кронам платанов, крышам невысоких домов, пыльным улицам. Прохожие в цветастых майках лениво двигались в сторону моря. Захар потянулся к отдыхающим, но вовремя себя одёрнул. Нельзя сдаваться здешнему воздуху. Время увлечения морем прошло, он давно вырос, у него серьёзная работа.

Захар поправил галстук, поднял руку ловить такси. Водитель презирал светофоры, поэтому доехали быстро, Захар сунул двадцатку в потную руку, поспешно вылез из пропахшего бензином и перегаром авто. Огляделся, уверенно зашагал к перекрёстку, демонстративно перешёл пустую дорогу по зебре. Он здесь не для того, чтобы нарушать правила. Его цель была прямо противоположной.

На другой стороне улицы за выцветшими двухэтажными домиками торчал нелепый новострой. Стеклённые створки двери призывно открылись, поманили обещанием прохлады кондиционеров, терпким запахом кофе, гудением рабочего улья. Кому, как не Захару, знать – обманчивое, неправильное ожидание. Но каждый раз он почему-то надеялся.

В холле его встретил вспотевший, неестественно весёлый директор.

– Ждали, ждали, Захар, проходите! – директор доверчиво, по-детски улыбнулся, вытер ладонью лоб. – Кондиционеры, сами понимаете, иногда ломаются. А чинить некогда – столько работы, столько проблем!

– Да, вижу...

Утренняя бодрость испарилась, захотелось лечь и заснуть прямо здесь, в пустынном мраморном холле.

Кабинет директора был так же непомерно велик и душен.

– Вячеслав, вы ознакомились с проектом?

Захар попытался поймать директорский взгляд, но Вячеслав смотрел сквозь Захара, точно был в глубокой медитации.

Повисло долгое молчание.

– Я так понял, от проекта вы отказываетесь? – не выдержал Захар.

Вячеслав нехотя оторвался от занимательного внутреннего мира, моргнул.

– Что вы сказали? Как «отказываемся»? – директор пошёл буреюми пятнами. – Не смейте нам угрожать!

Мы – лучшие из лучших! Нас месяцами отбирали, ждали! Обойдёмся и без вашей конторы!

Как бы не так! Захар с трудом сдержал улыбку.

– Считайте, я не расслышал последнюю фразу. Показывайте ваших «лучших из лучших».

Лучшие из лучших понуро бродили по коридору, помахивая в воздухе теннисными ракетками.

Захар уселся на подоконник с чашкой кофе в руках, с удовольствием сделал глоток. Мимо прошёл парень – голова опущена, подбородок утыкается в грудь. Отличный кандидат на роль Пьеро в детском спектакле. Из соседнего кабинета кто-то тихо, но уверенно твердил: «Мне плевать, что хочет заказчик». Ему возмущенно возражали, но упрямец продолжал бубнить: «А мне плевать...».

Угрозидило же получить распределение к программистам. Здесь нинбо гениальности сияет над каждым. Как же! Люди тонкой душевной организации, творческие личности, инженеры человеческих возможностей! Захар поморщился, с сожалением глянул в опустевшую чашку...

– День добрый! Захар Буров, куратор проекта!

Программисты подпрыгнули в креслах, удивлённо оглянулись. Захар быстрым взглядом окинул комнату – удобная мебель, огромные мониторы, кулер, кофеварка, в углу болтается гамак. Неплохо устроились! С места сорвался парень с голым торсом – Захар отступил, занял более устойчивую позицию. Однако бить его никто не собирался. По крайней мере, пока.

– Виктор Стремский, старший программист, – парень протянул руку, оскалился.

За улыбочкой читалось предупреждение не лезть не в свои дела. Второго предупреждения, говорила улыбка, может и не быть.

Захар выдержал тяжёлый взгляд, пожал руку. Намечалось сражение. Кровавое и бескомпромиссное.

– Рома Уточкин, тоже старший... – из угла подал голос назначенный на роль Пьеро.

Он смотрел обиженно и оскорблённо – то ли расплачется, то ли разразится обвинительной речью.

Захар хмыкнул. Вот они, значит, какие...

– Ребята, ознакомьтесь с новым проектом, через час побеседуем, – Захар опустил на стол документ с техническим заданием и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Он отправился бродить по улицам – ожидая, пока выветрится первое возмущение, утихнет протест. Пришёл чужак и диктует лучшим из лучших, что делать. Швыряется новыми проектами. Не выказывает желания пасть ниц и подчиниться. То ли ещё будет!

Полуденное солнце выжигало мысли, оставляя вместо них тягучую лень. Захар плавился, с трудом переставлял ноги, разогретый асфальт оседал под тяжестью шагов.

В глаза бросилась смелая вывеска «Козаностра». Большие буквы переливались всеми цветами радуги, под ними красовалась приписка: «Вы не сможете отказаться от нашего предложения!».

Захар хмыкнул, переступил не очень-то чистый порог заведения. Густой бордовый орнамент обоев превращал и так небольшое помещение в будуар, в углу на высокой подставке стрекотал новостями телевизор, пожилая официантка сосредоточенно тёрла стаканы.

За столиком у окна усатый мужчина меланхолично опрокинул рюмку, осторожно поставил её на стол, вытер усы, причмокнул. Напротив белобрысый паренёк интеллигентно ел борщ. Захар присел за свободный столик, махнул рукой официантке. Та неторопливо подошла, молча стала рядом.

– Мне, пожалуйста, борщ...

– Понаехали, гурманы, – отрезала официантка и закатила глаза к потолку. – Нет борща! Заказывайте суп с клёцками или уходите!

Обслуживание здесь всегда оставляло желать лучшего. Глупая приписка сбила Захара с толку. Вот он сейчас уйдёт и откажется от всех предложений!

– Долго будете искать другую столовку. Это уже только в центр ехать, – откликнулся белобрысый на невысказанный вопрос.

Захар кивнул официантке. Она демонстративно черкнула что-то в блокнотике и удалилась.

– Вы же куратор? – не отрывая взгляд от Захара, будто тот мог испариться без должного наблюдения, парень промокнул рот салфеткой, отодвинул пустую тарелку.

Значит, о нём уже ходят слухи. Мда, здесь все так заняты – почему бы не посплетничать?

Захар ограничился коротким кивком, не желая заводить разговор на голодный желудок. Сейчас снова пойдёт речь о «лучших из лучших», и его стошнит прямо здесь.

– Бежать отсюда надо... – белобрысый перешёл на шёпот, пригнулся к столу. В глазах парня прыгали сумасшедшие искорки.

– И мне приятно познакомиться. Захар Буров! – он протянул руку.

– Ой, извините, совсем одичал! Семен Меняев, отдел тестирования. – Парень неловко пожал руку, оглянулся по сторонам. – Я же всё понял! Им-то что – они привыкли жить на работе. А мне нельзя, у меня жена, дочка...

– погоди, не горячись. Зачем бежать-то собрался?

Парень удивительно быстро соображал. Такие здесь не встречались.

– Да сразу понятно было, что за набор. Крупный проект, все условия, на собеседовании дурацкие вопросы задают, по делу – ни слова. И зарплата! Нереальная, сказочная зарплата! Бесплатный сыр, знаете ли... Если бы не жена, отказался бы. Она настояла. А я всё ждал этой мышеловки. Дождался...

По мере обличительной речи голос Семена становился всё громче. При слове «жена» усач за столиком у окна поднял всепонимающие глаза на Захара и цокнул языком.

– Семён – это не мышеловка, это новый проект!

Захар говорил резко – злился сам на себя. Вот перед ним сидит человек, один из тысяч – он что-то понял, готов действовать. Сколько лет Захар мечтал такого найти. А сейчас растерялся. Сказать правду – нарушение устава, он сам подписывал бумаги о неразглашении. Должность обязывала врать. Может, крикни он в сердцах: ребята, ваше дело дрянь, возьмитесь за ум, чёрт побери! – тогда бы они собрались. От страха, со злости, всё равно как. Но руководство не любило громких историй. И он подчинился.

Семён молчал, уставившись невидящим взглядом в застиранную клетчатую скатерть. Наконец разлепил губы, с трудом выдавил:

– Я пытался. Ничего не вышло... Нам надо придумать, что делать!

– Семён, поговорим об этом позже. Сейчас главное – работа. Захар опустил глаза. Разобраться бы с проектом для начала. А потом он решит, как быть с Семёном. – Значит, вы с ними заодно... Да ладно, ешьте, вон суп совсем остыл.

Ребята сидели потупившись, изучали фасоны своих кроссовок и фактуру носков. Виктор зачем-то надел рубашку и причёсался. Значит, тропа войны изрыта вдоль и поперёк, томагавк откопали, заточили и приготовили к бою.

– Есть замечания по техническому заданию? Всё ли понятно?

– Нет, не понятно... – отозвался Роман дрожащим голосом.

– Что не понятно? – удивился Захар.

– Всё... – прошептал Роман и бросил умоляющий взгляд на Виктора.

– Кто вообще писал это задание? – буркнул Виктор, не поднимая головы.

– Писали профессионалы, – отчеканил Захар.

– А если мы откажемся? – с расстановкой спросил Виктор, – что тогда?

Ничего. Совсем ничего не случится. В прямом смысле этого слова. Захар усмехнулся своим мыслям.

Вслух произнёс:

– А что случается, если подчинённый ослушается начальство?

– Это угроза? – на лице Виктора заиграли желваки, глаза превратились в щёлки.

– Нет, Витя, это закономерность. Если вопросов больше нет, предлагаю приступить к работе.

Работа! Громко сказано. День ушёл только на то, чтобы выяснить, кто чем занимается. Оказалось, что все занимаются всем, и никто ничем конкретно.

Виктор часто отлучался, много курил, а в остальное время находился в состоянии сердитом и нервном. Роман не терпел насилия над личностью, увлекался той работой, что нравилась и не имела никакого отношения к проекту. Если Захар пытался дать ему задание, обижался и спешил спрятаться за широкую спину Виктора. С Семёном они часто пересекались на перекурах – Сёня задумчиво курил, Захар неслепино потягивал кофе. Завести разговор по душам не получилось – Семён отмалчивался и делал вид, что не слышит вопросов Захара.

Вячеслава он побеспокоил только раз. Зашёл проверить, не ошибся ли кабинетом – возможно, через стенку от Виктора сидят не такие безнадёжные экземпляры... Увлечённый мыслями, Захар не постучался, сразу распахнул директорскую дверь. Вячеслав тихо посапывал, налегая щекой на клавиатуру. Из колонок доносились звуки мантр, в воздухе висел тяжёлый запах благовоний. Захар не стал будить директора. Он получил ответ на свой вопрос.

Не торопясь, он возвращался в гостиницу с громким названием «Император». Выбирал людные улицы. Всмотривался в глаза прохожих. Что там искал, и сам не знал. Может, пытался заглушить окрепший в голове за эти несколько дней голос хаоса. Противный такой голос с интонациями Виктора ехидно повторял: «А если мы откажемся, что тогда?».

«Ничего!» – вступал в диалог Захар и понимал, что врёт. На сей раз себе.

Захар умел и любил работать. Отец не оставил другого выбора. Да, он гордился отцом, во всём подражал ему – папа уходил в рейс, а Захар шёл в яхт-клуб покорять своё маленькое море учебной акватории. Но дело было не только в этом. Отец погиб, когда Захару исполнилось пятнадцать. Несчастный случай – самовозгорание груза, папа оказался рядом. Захар поглубже затолкал боль – переживать было некогда. У мамы начались проблемы с сердцем, она месяцами не выходила из дома. Захар забросил яхты, обложился учебниками. После университета прошёл конкурс в транснациональную корпорацию. Много формальностей, сложная структура, ответственные проекты – это не пугало. Были правила, которым нужно следовать, а остальное сделает трудолюбие. Вполне заслуженно он пользовался доверием начальства, и, возможно, проработал бы на благо корпорации ещё много лет, не найди его Бюро.

Захар пошёл на собеседование из любопытства, а покинул офис с твёрдым решением бороться за должность до конца. Но бороться не пришлось, его взяли в Бюро после второй встречи. Лысый мужчина в дорогих очках размеренно вёл беседу, и в конце спокойным голосом сообщил Захару, что тот принят. То был момент абсолютного счастья. Захара не пугали дальние и долгие командировки, задержки до ночи. Мама благополучно вышла замуж второй раз и уехала из столицы. А своя семья и раньше не вписывалась в сумасшедший график. Ему только двадцать семь, ещё успеет!

Бюро ничего не производило, не перепродавало и не перевозило, оно решало проблемы – избавляло бизнес от лишнего. В любой компании иногда появлялись непригодные к разумной деятель-

ности, ленивые сотрудники, обладавшие к тому же раздутым самоменением и завистью к успехам других. Даже если они сидели на месте и ничего не делали, такой балласт здорово тормозил рабочие проекты. Но горе-сотрудники имели привычку соваться в чужую работу и патологически рвались к руководящим должностям, уничтожая на корню все перспективные проекты.

Бюро же скупало лучших специалистов разного профиля и лепило из них хватких кризис-менеджеров. Профессионалы разрешали конфликт за считанные дни – бизнес облегчённо вздыхал и возвращался в привычное рабочее русло, а нарушившие равновесие системы сотрудники навсегда оставляли компанию.

Затраты Бюро были велики, но оно не бедствовало – крупные компании охотно отстёгивали немалую «страховку» за свой покой. Не все знали, что «балласт» потом приглашали в Бюро на беседу. Вежливо улыбаясь, сулили золотые горы и, получив согласие после недолгих переговоров, сажали в самолёт и отправляли в резервацию. Правда, сами кандидаты были уверены, что летят на засекреченный объект выполнять миссию мирового значения.

Сотрудники Бюро определяли вновь прибывших в безвкусный новострой, снабжали простенькими проектами, приставляли куратора. Ссылные быстро обживались на месте, писали жалобные письма семьям о нагрузке на работе, сбивчиво объясняли, что отпуск откладывается на следующее лето. На памяти Захара ни один человек не вернулся из резервации, хотя Бюро оставляло за балластом такой шанс.

– Неужели никто... Костя, как это возможно?

Только что закончилась первая командировка Захара в резервацию. Он честно старался вдохновить команду, дать возможность хоть кому-то вырваться из болота, но его усилия почли в бозе.

– Люди не меняются, – начальник направления Костя поправил очки, солнечный зайчик, прорвавшийся сквозь жалюзи, гулял по бритой голове. – Вот нам и остаётся действовать методом исключения.

– Но это же тюрьма!

– Напротив, свобода! – глаза Кости заблестели воодушевлением, будто сам давно желал такой жизни. – Делают, что хотят! Разумеется, на определённом участке суши.

Костя осёкся, серьёзно посмотрел на Захара:

– Знаешь что, возьми-ка отпуск!

Брать отпуск Захар не стал, вместо этого попросился перевести его с текущего более или менее стабильного проекта снова в резервацию.

Захару вспомнилось, как еле заметно дёрнулась правая Костина бровь, когда тот заверял его перевод. Для всегда сдержанного шефа это было невиданным проявлением чувств.

Он так и не понял, что задело Костю, но отказываться от затеи не собирался. Люди не безнадёжны, надо просто до них достучаться.

Прошло два года. Захар терпеливо «стучался», настойчиво колотил, бесцеремонно бил кулаками, но дверь ему не открыли. По другую сторону безразлично смотрели в глазки сытые жители резервации, молчали, и, казалось, чего-то ждали. Захар устал – не было сил даже ненавидеть этот закодированный хаосом город.

Он вернулся на столичные проекты, втянулся в привычный рабочий ритм, вспомнил нормальную, логичную жизнь. Успел познакомиться и расстаться с милой спокойной девушкой. Она оказалась нестерпимо скучной. Воспоминания о резервации уже затягивались старой раной на его самолюбии, но полностью рана зажить не успела. Его снова отправили в тот город. Захар спросил, можно ли пересмотреть назначение, но ему ответили резким отказом...

Под вечер жара убралась восвояси, её сменил несерьёзный тёплый дождь.

Захар вошёл в помпезный холл «Императора». Девушка на ресепшен зевала, листала цветастый журнал. Когда Захар поравнялся со стойкой, она подняла ословевшие от безделья глаза:

– Вы ведь жаловались на поломку в ванной?

Захар кивнул, да было такое. Сегодня утром у него в руках остались оба крана от смесителя – он удивился, но так, для профформы. В прошлый раз на темя угодила душевая лейка.

– Ну так мы сантехника вызвали, – девушка прислушалась к словам, будто не веря, что может говорить такую ересь.

Обычно «Император» не отличался трепетной заботой о постояльцах – они выкручивались сами, не успевая дождаться ремонтников, запаздывающих на недельку-другую.

– Сам пришёл, или не обошлось без спиритического сеанса? – заговорщически прошептал Захар, навис над девушкой.

Та фыркнула, поджала тонкие губы.

Захар остановился перед своим номером. За дверью шаркали чьи-то ноги, позвякивали металлические предметы. Вернуться на ресепшен, потребовать объяснений? Никуда он не пойдёт, хватит! Захар распахнул дверь.

– Покажись, кто пришёл! – бодро крикнули из ванной.

– Нет, это ты покажись! – раздраженно ответил Захар.

– А чё показываться, сантехник как сантехник. А вы кто такой? Может, вор? Что я потом постоялицу скажу?

Седой мужчина в засаленной робе возился со смесителем. Судя по количеству разбросанных в ванной инструментов, ошмётков пакли и окурков – работа шла не первый час, и конца и края ей не было видно.

– Так бы и сказали, что здесь живёте! – мужчина поднял голубые в красных прожилках глаза на Захара. – Подайте мне вон тот ключ, пожалуйста! – и сантехник ткнул пальцем в угол.

Захар не двинулся с места, он набрал полную грудь воздуха, чтобы дать достойную отповедь, но сантехник оказался быстрее.

– Ладно, сам возьму... Вы ж только с работы пришли, устали, небось. Знаете, нельзя так много работать – нервы ни к чёрту становятся, вкус к жизни пропадает. И ради чего? Вот вы своим делом занимаетесь?

– Вас это не касается! – процедил Захар. – Забирайте весь этот металлолом и уходите!

– Да не волнуйтесь вы так, закончил я уже.

Сантехник собрал инструменты в холщовую сумку, проверил, всё ли на месте, наконец щёлкнул застежкой, хлопнул себя по карманам робы и только тогда в упор посмотрел на Захара.

– Значит, не своим. Я так и думал. А жаль! Стараюсь ради чужого...

Кажется, Захар грубо вытолкнул его из номера. Возможно, даже ударил. События того вечера помнились смутно. Он снова бродил по улицам – в изрядно потрёпанном костюме, с пустой головой, сроднившись с местными обитателями стойким амбре перегара.

Поздно ночью, ввалившись в номер, он споткнулся о какой-то свёрток. Выругался, опустился на пол. Разворошил пропахший паклей полиэтиленовый пакет, достал потрёпанную книгу. Название и автора удалось разобрать не сразу – буквы плясали перед глазами. А когда разобрал, протрезвел.

Умберто Эко. Имя Розы. Когда-то давно он дочитывал эту книгу из принципа – продирался сквозь неё, как через колючие кусты. А вот сантехнику сей труд, видно, пришёлся по вкусу.

Как же он ненавидит этот город! Хаос, бесправный мир, помойка цивилизованной страны! Безумные, непутёвые, бестолковые люди. И даже они оставляли его, Захара, в дураках.

Теперь, чувствуя под пальцами шершавый корешок книги, он вдруг подумал, что получил по заслугам.

Утро пришло непрошенным, и Захар с удовольствием прогнал бы его, если б мог.

Нехотя сползая с кровати, он уже знал, что опоздал. В семь утра солнце светит по-другому. Проклятый сантехник – из-за него забыл сдать в стирку рубашки, теперь придётся идти в мятой вчерашней. И побриться не успеет.

Ничего, ещё дня три продержаться, кое-как поставить проект-уродец на ноги. Большого в Бюро и не ждут. А там – глянцевая столица, порядок, чистота.

Виктор неисправим, Роман тем более. Что он может изменить? За него всё давно решено. Сенья был прав – он с «ними» заодно. Захар – сотрудник Бюро. И этим всё сказано.

Захар поравнялся с офисной дверью – створки приветливо разъехались в стороны. Навстречу вальяжной походочкой шёл Виктор. Захар поскрёб заросшую щеку, бросил взгляд на часы – мир сошёл с ума! Обычно Виктор появлялся в офисе не раньше полудня. Они поздоровались, как закадычные друзья – Виктор долго тряс руку Захара, понимающе хмыкал, подмигивал. Всё ясно. Сегодня он снова напьётся и не станет сдавать рубашки в стирку. К концу недели с ним будут раскланиваться на улицах местные алкаши, а ещё через месяц он начнет находить вкус в такой жизни. Брр! Надо срочно возвращаться в цивилизацию.

Комп мерно гудел, окошко электронной почты пестрело новыми письмами, Захар бездумно смотрел в стенку. Он впервые пожалел, что когда-то бросил йогу. Он забыл, как расслабляться. Не в пример здешнему директору.

Ладно, что у нас там – Захар открыл первое письмо. Виктор придирается к очередному пункту технического задания – пишет, что ему не нравится. Сильный аргумент. Роман демонстративно игнорирует письма, молчит, обижается. И хорошо. Захар устал отвечать на бессмысленные вопросы.

А вот и весточка от Бюро. Что?! Его просят остаться ещё на неделю? Бюро нужны результаты, а он за четыре дня не продвинулся ни на шаг. Захар присвистнул. С каких это пор от резервации ждут результатов? Или его сумасшествие прогрессирует? Захар перечитал письмо ещё раз. Если он и съехал с катушек, то бред оказался на редкость устойчив. Его поманили пряником – пообещали премию. Или то был не пряник, а сыр? Из мышеловки, о которой давеча говорил Семён.

Захар вскочил, заметался по кабинету.

Тихо постучали. Он распахнул дверь. На пороге мялся Роман.

– Я... гм... не хотите взглянуть на теннисный турнир? Там Виктор будет участвовать, просил вас позвать.

Теннисный турнир посреди рабочего дня?! Больше всего Захару хотелось зорать «Нет!» и хлопнуть дверью перед носом испуганного Романа. Пусть он расплачется, и этот акт абсурдного спектакля будет сыгран. Но Захар позволил себе только лёгкую улыбку:

– А меня зачем? Чирлидером? Я в танцах не силён.

Но пойти всё-таки пришлось. Захар пристроился в тени под деревом – так, чтобы видеть всю спортивную площадку. Ребята активно размахивали ракетками, метались вокруг больших столов.

Виктора он заприметил сразу. Как такого не увидеть! Римский легионер, замахнувшийся для удара – зубы сжаты, лицо исказила воинственная гримаса. Дёрнула его нелёгкая пойти в программисты. Разве что в карты кому-то проигрался. Или «на слабо» взял...

«Козаностра» лопалась от наплыва посетителей. Официантка лавировала в толчее с поднятым над головой подносом. Теннисный турнир окончен, ещё один рабочий день позади – и эти радостные события надо было отметить. Тем более Виктор праздновал победу – Захар устал считать, сколько пробок от шампанского улетело в многострадальный потолок.

Захар, как и все, пользовался случаем и шёл за здоровье победителя. Ещё полторы недели здесь торчать. На трезвую голову это тяжело. Он должен как-то расслабиться – сумасшедший сотрудник никому не нужен.

Тепло разлилось по телу, ударило в голову – и стальные жгуты, державшие всё это время, раскрылись. И правда, чего он скис? Он отдыхает с парнями, им весело – вон даже Рома заулыбался.

Стало душно – Захар еле протиснулся на улицу, вдохнул освеживший вечерний воздух. Пахло морем. И почему он ещё ни разу там не был? Непорядок! На нетвёрдых ногах Захар поплёлся в сторону набережной.

Он не успел ни развернуться, ни дать сдачи. Шею крепко зажал чей-то локоть, в бок упёрся нож, двое впереди бесцеремонно шарили по карманам. Алкоголь мигом выветрился из головы, жаль только сил от этого не прибавилось.

Вот и расслабился, отстранённо подумал Захар. На ухо что-то рявкнули. Ах да, он же забыл кошелек утром в отеле. Господа грабители разочарованы! Постепенно к Захару возвращалось ощущение собственного тела, он сделал вдох, собрался с силами. Резко сбросил руку с шеи, рванулся подальше от ножа. И тут же получил крепкий удар в висок, земля вырвалась из-под ног.

Туман то сгущался, то рассеивался. Хлопнула дверь. Пьяный голос тщательно выговаривал неизвестные Захару ругательства. Мелькнул голый торс Виктора. Кто-то громко крикнул, звякнул о мостовую нож. Виктор замахнулся, тяжело брякнулось чьё-то тело.

– Захар, давайте руку!

Он не сразу понял, что обращаются к нему. Голова нещадно трещала, будто настроилась выловить из эфира все помехи. Захар с трудом разлепил глаза. Витя помог ему встать, усадил на скамейку.

– Рома, вызови такси! А ты... вы, Захар, сидели бы в отеле! Это ж не столица! Сорвёте нам проект своим выпендреджем, и дальше что? – Виктор был на редкость серьёзен и даже умудрялся не шататься.

Захар расхохотался. Кто бы говорил о проекте! Но смех быстро иссяк. Только сейчас до него начало доходить, что произошло. И что могло произойти, если б не Витя. Запльввший глаз ему жизнь не испортит, а нож между рёбер мог бы.

– Я... Эй, Витя, погоди!

Виктор махнул рукой и скрылся в «Козаностра», за ним хвостиком вильнул Роман.

Не хочет знаться с назойливым куратором, оно и понятно. Захар растерянно потоптался на месте – зеваки разошлись, он остался один. Чужак, не понимающий языка и обычаев этого странного мира.

Рядом чиркнуло пинами такси.

Захар легко шагал по пыльным улицам. Он не спал ночь, он решился. Сегодня всё пойдёт, как надо. Костюм выглажен, ботинки начищены, синяк по цвету гармонирует с галстуком – неплохой зачин для нового дня. Он нарушит правило, и если всё получится, никто об этом и не узнает.

Ребята кажутся безнадежными, но... Виктору он обязан – парень рисковал ради него и даже благодарности постеснялся выслушать, прикрыл растерянность грубостью. А Рома просто попал в плохие руки. Он не оставит их в этой клоаке. Они ведь не понимают, где оказались.

Захар не стал ждать лифта, взлетел на второй этаж, распахнул двери кабинета. Почту он проверит потом. После собрания все жалобы на техническое задание потеряют значение.

Ребята молчали, моргали сонными глазами. Не пришли ещё в себя после вчерашнего и забыли, что в присутствии Захара положено огрызаться и хамить. Захар говорил неспешно, взвешивая каждое слово, внимательно наблюдая за лицами слушателей. Скука сменилась недоумением, интересом, подзрением, пониманием и ... циничными улыбками.

Он осёкся на полуслове.

– И это всё только, чтоб мы плясали под твою дудку? – Виктор криво усмехнулся. – Ну, начальник, ты даёшь! А вчера подумалось, что из тебя может выйти толк!

– Вы хотите сказать, – голос Романа звенел иронией, – что нас сослали в резервацию, как опасных членов общества? Нас – с дипломами, докторскими степенями, с таким послужным списком?

– Не сослали, а послали ко всем чертям! И единственный способ выбраться отсюда – доказать свои степени на деле и поднять проект!

– А почему вы нам сразу об этом не сказали? – ехидно процедил Виктор.

– Не имел права. И сейчас не имею. Разговор окончен!

Захар отвернулся. Заёрзали стулья, в сердцах хлопнула дверью сквозняк – ребята ушли.

Туман упал с глаз. Ему не поверили. Ощетинились на врага и не видят, что это их последний шанс. Костя был прав – люди не меняются. Захар тяжело опустился на стул.

Надо срочно возвращаться. Потом напишет письмо в Бюро и всё объяснит. Он надеялся, его поймут.

Спустя десять минут Захар вышагивал по пустынному холлу вокзала. Мозаика на стенах складывалась в счастливые лица, люди тащили за собой яркие чемоданы, спешили уехать и вернуться – они верили, это что-то изменит. Вот также и он.

Захар порылся в кармане, достал документы.

– Билетов нет! – рявкнула девушка и вернула паспорт.

«А завтра, а послезавтра? Через месяц, год?» – Захар хотел забросать девушку вопросами, но не смог сказать ни слова. В аэропорт он ехать не станет. Ответ будет тот же. «Я пытался. Ничего не вышло... Нам надо придумать, что делать» – зачастил в голове голос Семёна. Чёрт! Сеня ведь предупреждал его, а Захар струсил. Захотел остаться чистеньким и благородным. На ватных ногах он вышел из здания вокзала, бездумно побрёл по залитым жарой улицам.

Никто не слышал, чтобы сотрудники Бюро нарушали правила. Но ведь такие были. И их наказали так, чтобы другие не знали. Зачем пятнать ореол непогрешимости великого Бюро? Руководство не стало изобретать велосипед – воспользовалось старым добрым методом исключения.

Он вспомнил долгие беседы с Костей по возвращению из города, и как бы невзначай заданные вопросы, и удивлённо вздёрнутую правую бровь. Он, дурак, думал, Костя беспокоится о сотруднике, а начальник готовил досье.

Захар затравленно огляделся. Ловушка захлопнулась. Через неделю его попросят остаться на месяц, через две – повысят зарплату, а потом забудут на веки вечные. Как неудобный элемент, нарушающий спокойствие Костиных бровей в частности и жизнедеятельности Бюро в целом. Он слишком пёкса о неудобных. Так пёкса, что сам стал похож на них. Ввязался в пьяную драку, начал подстрекать сотрудников, попытался сбежать.

Захар испугался – он почувствовал себя голым и беззащитным. Как теперь жить? Куда идти? Его вышвырнули, как паршивого пса. И он не смог отказаться от этого «предложения».

Очнулся Захар у дверей офисного здания. Ноги сами привели сюда. В сторонке прохаживался Семён с незажжённой сигаретой во рту. Увидев Захара, парень оживился. Захар на миг вышел из оцепенения – может, сейчас у них получится разговор? Теперь он свободен от всех уставов и ничего не должен Бюро.

– Видели, как мы всех на турнире обставили? – Сеня старательно тряс его руку, не желая отпустить.

– Угу. Семён, я хотел...

– Круто, правда? Хотя, ну их. Знаете что... Забудьте, что я в столовке говорил. Я тут подумал – ну, куда бежать? Что за детский сад! А вчера зарплату повысили, жене позвонил, она так обрадовалась!

– Поздравляю! – ляпнул Захар, хотя сам не понял, с чем поздравил, и стоял ли вообще повод поздравлений.

Но Сеня сразу же отозвался:

– Спасибо! Спасибо большое!

Захар проскользнул в холл, огляделся по сторонам. Невыразительный холл стал своим – привычным и уютным. По лестнице спускался директор, по обыкновению улыбаясь чему-то неведомому. Захар приготовился было разозлиться, но не вышло. Нет, он зря ругал город. Люди не заставляли его приезжать сюда. Как и Бюро. Он сам выбрал резервацию.

Ввалился в кабинет, по привычке включил комп, запустил почту, невесело улыбнулся. Ещё жила глупая вера – вдруг он ошибается, и всё вернётся в привычную колею.

Бюро повышало зарплату и просило задержаться на месяц.

Они увидели в нём балласт гораздо раньше, чем он осознал это. Впрочем, распространенная болезнь для резервации. Здесь люди не понимали, кто они на самом деле. Инженер Виктор частенько воображал,

что он воин. Роман – актёр, сбежавший с детского спектакля в компанию взрослых людей. Директор мнил себя буддистским монахом. Так человек и превращался в балласт – зависал между мечтами и реальной жизнью, никогда не становясь тем, кем должен был стать. Что там говорил водопробных дел мастер – Захар старается ради чужого дела?

Он плёлся по коридору. За ним тихо семенил Роман.

– Мы... эээ... подумали... там письмо...

Захар не ответил. Он не знал, кто он. Чем он мог помочь другим?

Снова вышел в зной. Сделал шаг, другой, и вдруг понял. Он так и не сходил к морю. Всё только порывался. А ведь скучал. По солённому ветру, волнам, крикам часек. Но находились дела поважнее. Теперь Захар чувствовал себя предателем. Чем он лучше Бюро? Тоже исключил всё лишнее. Когда-то Захар был живым. Он вспомнил обтрёпанный ветром парус, сильные папины руки, покрытые бронзовым загаром, его открытую улыбку и бесконечную счастливую жизнь впереди.

Набережная сверкала как нарядная девушка. Морской воздух звенел чистотой и свежестью. Народ собрался у парапета, люди громко переговаривались, указывали на горизонт. Захар повернул голову и обомлел. С горделивой осанкой испанки в залив входила яхта. Огромная – метров сто длиной, с такой можно ещё раз открыть Америку. С носа внимательно оглядывала порт крылатая резная фигура. Высоченые мачты, казалось, доставали до облаков. Яхта из сказки. Сколько он извёл в детстве карандашей, неумело отдавая бумаге мечту! А нашёл её здесь, в этом богом забытом городе.

– Эй, Захар! С вами всё в порядке?

Он моргнул, с усилием оторвался от созерцания красавицы-яхты. Дожились, скоро привидятся Тибетские горы, и он научится спать на клавиатуре.

Перед ним стоял озадаченный Виктор.

– Вы что же, от нас сбежать хотите? – парень кивнул на яхту.

Виктор, конечно, шутил, но лишь отчасти. За шуткой Захар с удивлением прочитал страх.

А, действительно, почему бы не сбежать? Он подойдёт к капитану и попросится матросом, юнгой – кем угодно. Скажет, что потерял паспорт, придумает новое имя. Вдруг капитан согласится...

Кого он обманывает. Захар не вернёт детство и папу – даже если сядет на эту яхту. Время ушло. Он вырос. Да, здесь все заняты не своим делом. Но как понять, какое дело твоё, если ни одно не довести до конца? Он ведь не моряк, он кризис-менеджер.

Захар сжал зубы. Они завершат проект. Не ради Бюро, ради себя. И он не вернётся больше в столицу. Есть другие города, страны, где он ещё не был. Никто не держит людей в резервации – от свободы они отказались сами. Пока выбор не сделан, пусть даже ошибочный – человек обречён топтаться на месте, прикованный прочной цепью к своим иллюзиям...

– Сбежать? Нет, это неправильное слово.

Он не сбегает. Он ищет свой путь. Даже если искать придётся методом исключения.

ЧИКОМОСТОК

рассказ

Сперва Рик понял, что снова может дышать.

Он разлепил веки, моргнул, привыкая к обстановке. Прямо перед ним на музейном стеллаже красовалась фигурка воина, оседлавшего детеныша трицератопса.

Рик подавил волну отвращения, огляделся.

Глиняные динозавры были повсюду – неповоротливый диплодок, мез, обхвативший мощным хвостом торс мужчины, сидящий на задних лапах бронт, послушный анкил в упряжи плуга.

Он поднял голову. «Музей динозавров Вальдемара Юльсруда»¹ – гласила крупная вывеска на стенде в центре зала. Рик подошёл ближе, принялся читать.

«В 1945 году Вальдемар Юльсруд, археолог-любитель, нашёл у подножия горы эль Торо в предместьях Акамбаро небольшую глиняную статуэтку... Происхождение коллекции так и остаётся загадкой... Динозавры вымерли шестьдесят пять миллионов лет назад, задолго до появления человека, однако фигурки Юльсруда подтверждают обратное...».

Какого ящера тут происходит? Рик тряхнул головой. Да ведь он знает эти фигурки! Такие же были в лавках у...

– Завораживает, правда? – раздался хриловатый женский голос за его спиной.

Рик застыл на месте, не смея ни выдохнуть, ни повернуться.

Твари, твари, твари!

Рик отпустил руку пациентки, теперь уже бывшей, упал на стул возле больничной кровати. В тридцать три года он чувствовал себя древним стариком. Это уже вторая смерть на его смене – лихорадка Ди неизлечима и действует слишком быстро. Повышение температуры, резкие скачки давления, инсульты, сердечные пороки у казалось бы здоровых людей и скорый неизбежный конец – вот какую цену они платят за вечное соседство с динозаврами. Грёбанные ящеры!

Надо вызвать медсестру, оповестить родственников... На самом деле ему лично уже ничего не надо. С тех пор, как Марла сгорела от лихорадки на его руках, Рик был полностью свободен от всех желаний и надобностей. Дни и ночи проводил в госпитале, надеясь, что острая боль после смерти жены хоть немного стихнет под натиском чужих трагедий. Но это почему-то не работало – Рик по-прежнему ненавидел каждое новое утро, которое отдаляло его от живой Марлы.

Три года назад к Ричарду Эвансу, старшему инфекционисту госпиталя Маунт-Синай, пришла новая ассистентка, и Рик с первого взгляда распознал в ней близкую душу. Если Марлы не было рядом, и Рик не видел хрупкую фигурку, ёжик тёмных волос, не смотрел в карие глаза, всё валилось из рук, он терял себя.

Оба с азартом работали, не раз записывались волонтерами в правительственные программы по борьбе с лихорадкой Ди. Несмотря на усилия государства, новые лекарства приносили лишь временное облегчение и не спасали от летального исхода. Но Рик не сдавался – когда-нибудь они с Марлой отыщут средство помочь людям! Возможно, и отыскали бы, если бы Марла не вызвалась без его ведома исследовать образцы крови динозавров. Почти сразу она слегла. Рик работал ночами, поднял на ноги всех вирусологов Нью-Йорка, но та неделя, которую лихорадка оставила Марле на прощание с этим миром, оказалась слишком маленьким сроком. Рик вздохнул, это было плохим оправданием его бессилия.

Раздался вой сирены, Рик стянул оцепенение. Он должен срочно увидеть заключение вирусолога. В какой-то раз Центр по контролю заболеваний просто обязан обнаружить возбудитель... хотя бы дать зацепку. К ящере правила! Рик не считал себя гениальным инфекционистом, но терять ему было нечего и он хотел использовать все возможные способы, чтобы остановить заразу по имени Ди, вплоть до испытания этой дряни на собственной шкуре.

Он зашёл в дезинфекционную, осторожно снял защитный костюм, принял душ, обработал кожу. Вернулся в ординаторскую, переделался, освобождаясь от больничной одежды, как от чужой личности. Дал медсестре распоряжения и выскочил в холл. По дороге столкнулся с ассистенткой Ханой.

– Доктор Эванс, вы разве не слышали сирену?

– Слышал, – буркнул Рик и под прицелом удивлённого взгляда Ханы пошёл к выходу.

Впрочем, больше ему никто не мешал – после звука сирены найдётся немного охотников гулять по улицам Нью-Йорка. Он оставил за спиной громаду центра Маунт-Синай и зашагал по пустынному Центральному парку, чувствуя себя безумным и свободным одновременно.

Ночные атаки тираннов и спинов повторялись всё чаще – динозавры остервенело пробивали титановые щиты стен. Отстрел лазерными пушками давал передышку, но и такое оружие не могло уничтожить всю стаю десятитонных туш в сопровождении мелких падальщиков целуров. К тому же после массового истребления у хищников срабатывал механизм восстановления популяции – динозавры становились ещё более агрессивными и плодовитыми.

Рик едва успел дойти до Музея естественной истории, как перед носом пронеслись два джипа с флагом группировки нео.

Течение неовиков возникло пять лет назад после инцидента с массовыми смертями – тогда погибли все военные, оказавшиеся вблизи сбитых туш динозавров. Среди первых жертв были и родители Рика. Спустя неделю эпидемия перебралась на гражданских, и с лёгкой руки репортёра «Нью-Йорк Таймс» роковая болезнь получила имя – лихорадка Ди.

Всплеск странных смертей практически совпал с падением метеорита близ мексиканского городка Акамбаро. Пострадала лишь пара лавок с сувенирами, ни одной жертвы, но события наложились друг на друга, и это здорово всполошило общественность.

В добровольные группировки нео объединились самые разные люди – от именитых учёных до небезразличных обывателей. Группировки прославились тем, что были готовы опробовать любые безумные идеи по уничтожению динозавров, не дожидаясь разрешения государственных структур. Неовики шли на всё – вплоть до воровства, пантажа и агрессивных акций протеста. Формально правительство Союза Американских Штатов не поддерживало неовиков, однако Рик был уверен, что группировки втайне курируются государством, хотя бы такие крупные, как «Нео-Эйдж». Вряд ли правительство упустило бы шанс снять с себя ответственность за чьи-то смерти.

Он проводил взглядом удаляющиеся джипы. Прислушался к рёву хищников и нарастающему гулу, который, казалось, шёл из-под земли. Посмотрел на часы – ровно шесть. Сейчас глубокая осень, значит,

рассветёт около восьми, а днём твари не охотятся. Но на два-три часа его старая многоэтажка на берегу Гудзона будет наглухо закрыта щитами. Что ж, придётся переждать в каком-то сочувствующем неовикам кафе...

– Доброе утро, сэри! – поприветствовал Рика официант, поблескивая шипастой жилеткой из шкуры анкила.

Рик кивнул, опустил за ближайший столик и, проигнорировав меню, заказал синтетический дистейк. С несравненно большим удовольствием он бы съел настоящее мясо орнитомима, или того же анкила, но из-за лихорадки его запретили, и приходилось давиться синтетикой. По старой памяти он заказывал дистейк, но потом всегда жалел – даже зная, что еда безвредна, Рик не мог избавиться от ощущения, что ест отраву.

В кармане запиликал мобильник, Рик выхватил трубку и, не глядя на экран, моментально ответил:

– Да, Хана!

Но вместо строгого тона ассистентки услышал далёкий скрипучий голос с мексиканским акцентом:

– Сеньор, мьеня просили вас найти. Вы дошны приехать...

– Да кто вы такой?

– Сеньор, невашно, кто я такой, вашно, кто вы...

Рик нажал отбой. Не хватало ещё сумасшедших мексиканцев с утра пораньше!

Официант принёс дистейк, и Рик только потянулся за ножом и вилкой, как телефон снова разразился требовательной трелью. Рик схватил трубку, готовя гневную тираду.

– Подождите! Это связано с сеньорой Марлой Бьелл!

Белл, машинально поправил про себя Рик и выронил нож.

– К-куда ехать?

– Акамбаро, штат Гуанахуато, сеньор. Мьеня зовут Дайого Сото, я встречу вас в аэропорту!

Абонент на том конце давно отключился, а Рик так и продолжал сидеть с трубкой возле уха. Он не стал больше расспрашивать Дайого. Услышав имя Марлы от незнакомого мексиканца, Рик вдруг снова начал надеяться непонятно на что, и это ощущение было слишком дорого, почти так же дорого, как родное имя, чтобы немедленно потерять его...

– Хорошая была ночка, сэри! – официант подмигнул ему, видно приняв за одного из неовиков.

Рик не стал его разочаровывать, он почему-то сам обрадовался такой ошибке.

Рик выглянул в иллюминатор – лишь облака и крыло самолёта.

Откинулся на сиденьи, закрыл глаза.

А ведь он летит в самое пекло. Рик вспомнил фотографии аномалии – котлован выжженной земли и зеленоватый туман, дымящийся над ним словно пар над горячей чашкой – последствия падения метеорита. По ободу котлована на жёлто-серой почве росли редкие пучки кустарников – и больше ни одного напоминания, что этот пустырь когда-то был живым.

Территория вокруг Акамбаро считалась более ли менее безопасной – стаи хищных динозавров редко забредали туда. Впрочем, она не пользовалась популярностью и среди людей.

Самолёт без инцидентов приземлился в Селайском аэропорту – ближайшем к Акамбаро.

Дайого, мексиканец лет пятидесяти с неожиданно цепким взглядом, нелепым для его простоватого лица, довёз Рика до места на стареньком «Форде».

Никто бы не отважился на такую загородную прогулку в окрестностях Нью-Йорка, и поначалу Рик чувствовал себя неловко в хрупком автомобиле, но постепенно успокоился. По крайней мере, никаких признаков приближающихся динозавров или стай птеродактилей он не заметил.

Защитные стены Акамбаро оказались в плачевном состоянии – похоже, ими давно никто не пользовался по назначению. То тут, то там Рик замечал фрагменты титановых пластин, которые жители городка растащили на подпорки обветшалых стен домов.

По тесным улочкам не спеша катили старики на трёхколесных велосипедах, толкая впереди себя всякий хлам. Помахивая пышными бёдрами, смуглые красавицы несли на головах огромные корзины. К невысоким домикам тулились многочисленные лавки, набитые платками, глиняными фигурками и посудой, украшенной фольклорной росписью с изображением динозавров и бытовой жизни людей.

Рик хмыкнул, странное место – ни сирен, ни неовиков, ни внутреннего напряжения, которое его не отпускало в Нью-Йорке. Здесь жили так, будто не было этой вечной войны с динозаврами, будто они остались легендой, росписью на сувенирном камешке. Рик вдруг почувствовал себя дома. Всё ему казалось знакомым. Вот сейчас они проедут мимо центральной площади с белой ажурной беседкой в центре, минуют стену живой изгороди парка, а за ней покажется увенчанная крестом башня монастыря Святого Франциска.

Боль прошла висок раскалённой иглой. Рик еле сдержался, чтобы не застонать и зажмурился, пытаясь справиться с приступом. Перед внутренним взором появилась картинка храма – фигура Христа над алтарём, а справа в нише извивался в последней агонии каменный ящер, поверженный копьём Святого Хорхе.

Дайого тронул его за плечо:

– Вы в порядке, сеньор Риккардо?

Рик открыл глаза и кивнул.

– Может, наконец введешь меня в курс дела, мы только тратим время...

Спутник надвинул широкополую шляпу на глаза и ничего не ответил.

«Грёбанный мексикашка, – раздраженно подумал Рик, потирая висок. – Какого ящера я вообще ему поверил? Пересек полконтинента, чтобы добраться в эту дыру, а он меня еще за нос водит!»...

Они остановились у скромного выбеленного домика с небольшим двором, между двумя пальмами висел гамак. Дайого провел Рика в тесную, увешанную пестрыми ковриками комнату.

– Пошлите у меня, сеньор Риккардо, а дальше сами решите, что делать... Вот! – мексиканец снова поправил шляпу и бросил на столик визитку.

Рик усмехнулся – не слишком ли деловой стиль для такой глухомани? Он потянулся за визиткой, для приличия мельком глянул и опешил. Ричард Эванс и Марла Белла, значилось на титульной стороне, лаборатория «Нео-Эйдж», телефоны, адрес. Сбоку рукой Марлы выведены цифры: 05. 01, 06. 02, 07. 03, 08. 05... А на обороте уже его приписка: «Найдите меня!!!». Буквы прыгали и плясали, но свой почерк он перепутать не мог.

Звонок мобильного вывел его из оцепенения.

– Доктор Эванс, – голос Ханы был необычно взволнован, – пришло заключение от вирусолога. Обнаружен...

– Я занят, – Рик нажал отбой, скрипнул зубами – это что, розыгрыш?

Он угрожающе навис над невысоким Дайого. Тот однако не выказал и тени смущения.

– Как это попало сюда? Я никогда не работал на «Нео-Эйдж», я не писал эту чушь, я первый раз вижу ваш грёбанный Акамбаро!

– Это так кашется, сеньор, – мексиканец сдвинул шляпу на затылок, – вы любите бурритос?

Рик проигнорировал вопрос. Он лихорадочно пытался свести все события воедино, но папа только рассыпался на более мелкие части. Визитка, без сомнения, подлинная. И да, они с Марлой были коллегами, но их дела не касались «Нео-Эйдж». И что значили эти цифры? Зачем он просил кого-то найти его? И как мог забыть об этом?

Он зажмурился от приступа головной боли и сквозь спазм отчетливо увидел, что был здесь раньше. Рик уверенно подошёл к стенному шкафу, открыл дверцу – на вешалке висел шарф Марлы.

– Где ты нашел это? – еле слышно спросил Рик.

– Пойдёмте, я должен вам кое-что показать!

Они расположились на холме близ горы эль Торо. Так было удобнее наблюдать за эпицентром аномалии – дымящимся котлованом.

С профессиональной дотошностью Рик фиксировал своё состояние: учащённое сердцебиение, пульсирующая головная боль, приступы паники. Он мог понять ящеров – живому существу здесь не место. Поначалу Рик избегал смотреть на котлован и, пытаясь развеяться, изучал покорёженные лавки под горой и россыпи глиняных поделок местных мастеров. Когда-то здесь был деревенский рынок. Ударная волна от падения метеорита довольно странно прошла по лавкам – будто вырезала из пространства часть лотков, оставив ровный надлом.

Рик поморщился, вспоминая, что раньше знал об аномальной зоне. Правительственные службы проявили интерес к аномалии сразу, однако после исчезновения нескольких групп учёных исследовательские проекты прикрыли. В сеть просочились данные о людях из пропавших групп – их нашли через пару месяцев в окрестностях Акамбаро. К сожалению, психика пострадавших была полностью расстроена, и никаких вразумительных сведений добиться от них не удалось. Отыскали и остатки исследовательского оборудования. Котлован будто выплевывал то, что не смог пережевать – операторы нередко были «впяаны» живём в титановые стенки передвижных лабораторий. Рик тогда ещё подумал, что нечто попыталось совместить координаты оператора и оборудования в их трёхмерной реальности, приписав им ради интереса одинаковые параметры...

Пока ехали сюда, мексиканец коротко пояснил, что зону официально объявили закрытой, но, потеряв при странных обстоятельствах три патрульных машины вблизи котлована, местная полиция курировала только главные подъездные дороги к окрестностям эль Торо.

Рик раздражённо поддел ногой жёлто-серый камешек. Взметнулось облако пыли, Рик закашлялся.

– Дайого, чего ты от меня хочешь?

– Я – ничьего, пусть сеньор будет уверен!

Что-то не сходилось. Рик скрипнул зубами. Мексиканец его втягивает в какие-то игры – возможно, Дайого просто марионетка в руках неовиков. Сегодня же вечером Рик соберёт вещи, первым самолётом улетит в Нью-Йорк и не станет дожидаться, пока его окружают вооружённые до зубов люди на чёрных джипах.

Оставалось только разобраться с дежавю, которое преследовало его с тех пор, как Рик пересёк черту Акамбаро. Часть мест он узнавал сразу, часть вспоминал потом. Даже этот котлован тянул к себе, как хорошо знакомый друг.

Землю сотрясли мощные толчки. Рик дёрнулся, вскочил, оглядывая окрестности. Дайого лишь притронулся к шляпе, но даже не поменял позы – так и сидел, зацепившись взглядом за зелёное марево котлована.

– Это дилофы. Не двигайтесь, сеньор.

Рик различил стаю дилофозавров с уродливыми гребнями костяных пластинок на морде. Каждая особь не ниже десяти футов. Переступая тяжёлыми задними лапами, те послушно шли к котловану.

Он никогда не видел динозавров так близко. Странно, но страха не было – только ненависть и брезгливость.

– Хватит называть меня «сеньор!» – возмутился Рик и, немного успокоившись, добавил, – я думаю, местность безопасна, почему никто их не отстреливает?

– Вы на съевере убиваете всех, лишь бы вам никто не мешал, да?

– А ты предлагаешь снести стены, сложить оружие и погибнуть при первом же набеге тираннов? – удивился Рик.

Несколько дилофов отделились от стаи побежали в направлении холма. Рик казалось, он уже может различить блеск костяных гребней, маленькие тупые глаза хищников и блеснувший в них кровавый огонь. Он невольно попятился.

– Тише! – шикнул на него Дайого, – вот где ваша смерть! – и он прицельно ткнул Рика мозолистым пальцем в область сердца.

От неожиданности Рик проглотил заготовленную гневную реплику. Отделившиеся от стаи дилофы повели мордами, принявываясь к чему-то, развернулись и снова взяли курс на котлован. Тем временем другие динозавры дошли до воронки и, не замечая обрыва, неукложе стали валиться в зеленоватый туман.

Дайого еле слышно выдохнул, поправил шляпу. Рик показалось, что он прошептал что-то вроде «Чикомосток принял их».

Мексиканец замолчал и Рик, обалдевший от количества бреда, которое он был уже не способен переварить, вдруг захотел вернуться в привычный безнадежный мир с сиренами, смертями и неовиками, где не приходилось смотреть в глаза динозаврам и выслушивать суеверные бредни полоумных мексиканцев. В конце концов, там он свой, а здесь – ящер знает кто.

Рик достал мобильник, набрал Хану. Её голос должен успокоить, он – как якорь понятного и привычного в этом неправильном мире. И да, он должен узнать заключение вирусолога.

– Доктор Эванс, Ричард... – Хана говорила торопливо, глотая слова, – хорошо, что вы дозвонились. Лаборанты нашли следы нового вируса, к тому же они предполагают, что вирус крайне чувствителен к электромагнитному излучению. Есть диапазоны частот, которые провоцируют быстрый рост, другие – полностью уничтожают возбудитель...

Рик задержал дыхание. Хана даже не представляла, что она только что сказала! Если они найдут способ точно откалибровать излучение, они справятся с лихорадкой Ди!

Хана говорила что-то ещё, но Рик её уже не слышал. Не разбирая дороги, он побежал вниз с холма навстречу зелёному мареву.

– Не спускайтесь сразу, ищите на склонах! – крикнул ему вдогонку Дайого.

Что-то в словах Ханы открыло шлюз памяти, он будто переключился, стал другим Риком, и тот другой Рик знал, что ему немедленно надо найти брошенный в котловане трейлер.

И что было совсем невероятно – ему это удалось. Передним колесом «Вольво» повис над пропастью, и каким-то чудом машина не скатилась в котлован. Хотя у Рика создалось ощущение, что трейлер появился здесь секунду назад – не хватало только свежих следов колес.

А ещё Рик понял – он должен был войти в зелёный туман, потому что сюда ушла Марла. И ему плевать, что два месяца назад Марла Белл скончалась от лихорадки, и что он своими глазами видел, как крышка гроба навсегда закрывает от него лицо жены, и что сам бросал горсть земли, прощаясь с Марлой.

Подоспевший Дайого помог ему отогнать «Вольво» на более или менее ровную площадку, подальше от марева.

Рик долго возился с заклинившей дверью трейлера, но снова подсобил Дайого – саданул кулаком по замку, и дверь сама отъехала в сторону. А мексиканец, похоже, проделывал это не раз, подумал Рик.

Он вошёл в кабину, сразу почувствовал вибрации поля – в центре стояло обвешанное проводами кресло, к нему были подключены электромагнитные катушки. Одну стенку полностью занимала приборная панель. На полу валялась россыпь их с Марлой визиток. Он шагнул вглубь, не думая нажать рычаг, и катушки затихли.

Рик потянулся к встроенному в стенку монитору. Так, что у нас там... Параметры внешнего и внутреннего электромагнитного поля, модуляция, хронометрирование сигналов, входящие, исходящие данные катушек, сигнал радиантенны...

Голова снова начала раскалываться. Одному Рiku было всё до предела ясно и он рвался действовать, другой кричал об опасности и стремился вырваться из этой душной коробки.

А пока острые осколки воспоминаний о том, чего не было, кромсали его прежнюю жизнь.

Марла – мальчишеская стрижка, горящие от возбуждения глаза – едва не срывалась на крик:

– Рик! Рик! Представляешь, что это значит?!

– Только не говори, что ты их «вылечишь»! Излучение не подействует на инстинкт хищника! Марла, их надо уничтожить!

– Нет! – миниатюрная Марла чуть не бросилась на него с кулаками, – ты не имеешь права уничтожить всех больных особей, с ними погибнут и заражённые люди!

– Но ящеры изо дня в день пожирают нас! И если так всех жалеешь, зачем пошла в неовики, зачем мы тащились на край света и уже месяц торчим здесь?

– Чтобы выжить! – сквозь зубы процедила Марла, – выжить самим и дать жить другим...

– Риккардо, слышите?

Он вздрогнул, почувствовал на плече руку Дайого.

– Надо уходить, – бросил мексиканец, – здесь долго нельзя быть, Чикомосток опасен.

Рик растерянно глянул на часы – похоже, они вышли из строя... или вышел из строя он сам. Как он мог просидеть в трейлере пять часов и не заметить этого? И какой, к ящеру, Чикомосток?

– Дайого, ты мне расскажешь, что здесь произошло?

Они миновали холм эль Торо и возвращались в городок. Дайого лавировал по бездорожью, «Форд» немилосердно трясло, и Рик всё ждал, что машина вот-вот развалится на запчасти. Мексиканец по обыкновению щурил глаза, высматривая что-то невидное Рiku, и делал вид, что оглох.

– Ньет, – наконец ответил он с таким достоинством, будто отказался участвовать в гнусном деле, помолчал и добавил, – вы вспомните сами, а иначе всё равно не поверите...

– Зачем тебе это, Дайого? Мог просто продать трейлер со всеми потрохами неовикам. Они бы немало отвалили за эти игрушки!

– Я кое-что должен сеньоре Марле, – Дайого бросил резкий взгляд на Рика.

Вот значит как! Какой-то мексиканец знает о его любимой женщине больше, чем сам Рик. Жалость ревности обожгло грудь. Он еле сдержался, чтоб не застонать.

Рик дописал отчёт о находке трейлера – электронное письмо уйдёт прямиком в Бюро по контролю деятельности группировок нео. Пусть сами дальше разбираются. Он закрыл ноут, без аппетита откусил кусочек лепёшки-такос и повалился на кровать.

К вечеру после прогулки по котловану у него поднялась температура. Плюс к головной боли – это уже было нехорошим признаком.

Он проглотил несколько антидотов от лихорадки – скорее плацебо – в редких случаях они могли незначительно замедлить ход болезни. Облегчения не почувствовал. Расспрашивал о симптомах Дайого, но тот на здоровье не жаловался.

Рик попытался всучить мексиканцу деньги за постой и съехать в бунгало на окраине Акамбаро – он мог быть инфицирован и потенциально опасен. Но Дайого обиделся, наотрез отказался брать плату, выхватил у него дорожную сумку и снова отнёс наверх.

А потом они окончательно повздорили, когда Рик едва не подстрелил пару мелких гетеродонтов, которые пытались стащить из кухни объедки. Но разобраться с динозаврами он не успел – Дайого выбил из рук пистолет и едва удержался, чтобы не стукнуть Рика. Странно, но с появлением мексиканца гетеродонты ретировались сами.

Рик пялился на коврик с изображением дерева, где вместо веток были пещеры, населённые людьми и динозаврами, а руки сами крутили пресловутую визитку. Будто он надеялся, что волшебное имя «Марла» вернёт ему память. Или напротив – заставить забыть в грёзах...

Если всё, что он увидел в трейлере, и сам трейлер не бред, вызванный лихорадкой Ди, и если вообще это была лихорадка, а не воздействие аномалии, то вывод один: его прошлое раздвоилось. И какие воспоминания ложные, какие подлинные – пока не понять. Дайго явно встречал его раньше, да и Акамбаро оказался хорошо знаком Рикю. Но как быть с десятками скончавшихся на его руках пациентов, госпиталем Маунт-Синай, похоронами Марлы – он помнил каждую мелочь, помнил лица людей, их жесты, выражения глаз. А возможно, не было ложных воспоминаний. Возможно, всё, абсолютно всё – правда!

Судя по оборудованию в трейлере, в параллельном прошлом они с Марлой занимались исследованиями электромагнитных излучений аномальной зоны котлована. Насколько Рик знал, опасности аномалии неовиков не смущали и, вероятно, группу «Нео-Эйдж» тоже. Хотя в одиночку даже безумные неовики не потянули бы такой серьёзный проект. Им бы понадобилась поддержка правительства – хотя бы в плане засекреченной информации, которую необходимо было обработать, чтобы создать более устойчивое к влиянию зоны оборудование.

Он вспомнил утренний разговор с Ханой и свои восторженные выводы. Теперь Рик не верил, что всё решается так просто. Электромагнитное излучение может ликвидировать не только вирус, но и разрушительно повлиять на организм человека – дезорганизовать, привести к необратимым последствиям в жизненно важных органах, при длительном воздействии способствовать инсультам, инфарктам, раку.

Скорее всего, лихорадка сперва поразила динозавров, обитавших рядом с территорией аномалии – какие-то частоты спонтанно вызвали бурную активность вируса – а потом перекинулась и на людей по всему миру. Похоже, в другом прошлом они с Марлой смогли обнаружить способ влиять на трансляцию частот, воздействующих на вирус. Возможно, Рик сам попал под какое-то излучение – именно в этом и была причина его проблем с памятью.

Он взглянул на визитку – пальцы тербели и так потрепанный клочок бумаги. Нет. Это не проблемы с памятью. Он действительно жил одновременно в двух реальностях. Визитка явно не мираж!

И еще эти цифры: 05. 01, 06. 02, 07. 03, 08. 05, 09.08... Что за расчёты второпях вела та, другая Марла? Какие-то даты? Первое число мая, второе июня, третье июля, пятое августа... Тринадцатое октября, продолжил Рик... Последовательность Фибоначчи, нередко встречается в живой природе. А ведь расчёт показывал какой-то процесс, связанный с аномалией! Рик прибавил даты последних месяцев – получилось двадцать один. Двадцать первое ноября. Сегодня было двадцатое...

Рикю стало тревожно. Теперь он здорово жалел, что отправил письмо в Бюро.

Он торопливо набрал Хану и обрадовался, когда услышал знакомый голос. Не вдаваясь в подробности, предупредил чтобы ассистентка не распространялась о заключении вирусолога. Она терпеливо выслушала и с расстановкой произнесла:

– Ричард, у нас новости. Лаборатория считает, этот штамм был выведен искусственно.

– Срочно бери отпуск и улетай из города. Куда угодно!

– Хорошо, но...

– Хана, не время спорить! Ты...

Связь оборвалась, в трубке послышались короткие гудки.

Рик очень надеялся, что их разговор не подслушивали. Он вдруг усомнился в Хане. Впрочем, как последнее время сомневался во всём.

Он встал, прошёл по комнате, зачем-то открыл шкаф, закрыл, снова открыл, достал шарф Марлы.

Рик прижал ткань к лицу, вдохнул, ожидая почувствовать едкий воздух тумана, но ощутил сладко-терпкий аромат духов Марлы. И даже не стал пытаться понять, как это возможно, лишь бережно спрятал шарф в карман.

– Марла, милая, что мы с тобой натворили, – прошептал Рик.

Ему приснилась Марла – она лежала рядом, он гладил её плоский загоревший живот, бёдра, податливая кожа уступала его пальцам, и сама Марла двигалась в такт его рукам. Он будто знакомился вновь, а может, прощался с её телом, пытался узнать то, что не смог углядеть в сливающихся с ночью тёмных глазах. Она потянулась что-то сказать, и он, едва сдерживаясь, чтобы не выплеснуть на неё всю свою страсть, не сделать больно, с силой прижался к её губам, поймал языком невысказанное слово – «сегодня»...

Рик проснулся на рассвете – возбуждённый, потерянный, он сразу вспомнил, что Марлы больше нет, и съёжился от пустоты в груди. Пожалуй, даже на похоронах ему не было так плохо.

Но эта пустота освободила место для другой жизни, и её начали заполнять чужие воспоминания...

Он уже просыпался в этой комнате прежде, и Марлы точно так же не было рядом. Но тогда она была ещё жива, и Рик начал переживать. На полу валялась визитка – видно, не нашлось под рукой листа, и Марла наскоро набросала

на ней цифры. Среди столбика дат глаз выхватил последнюю: восьмое сентября. Рик зачем-то сверился с часами, хоть и так знал – это и есть сегодняшний день.

Он наскоро оделся, спустился. Комната мексиканца пустовала, а их джипа не было на месте. Рик сел в «Форд» и помчался к котловану по объездной, свободной от патрулей дороге.

Они неделю бились, пытаясь вычислить фазы всплесков электромагнитного поля аномалии, а отгадка лежала на поверхности – слишком простая, чтобы проверить её сразу. И сейчас, зная ответ, Марла решила действовать в одиночку! От обиды и досады Рик пропустил съезд с трассы, пришлось возвращаться.

Они тянули время намеренно и не отсылали отчёт в центр – Марла настояла. В поисках информации для работы им пришлось взломать архивы «Нео-Эйдж», где упоминался вирус Сэйвер в контексте борьбы с ящерами, а это значило, что неовики сами запустили лихорадку Ди. И попали их с Марлой разработки на столы руководителей группировки, те бы фразу закрепили проект, получив в руки новое оружие – смоделированный набор частот, который с вероятностью девяносто процентов уничтожит не только вирус, но и всех носителей лихорадки. Постепенно у людей развились бы путные болезни, многие оказались бы обречены. Рик был готов и на это – он не хотел дальше терпеть заразу. А Марла рвалась продолжать исследования, она верила, что найдёт способ избежать жертв.

Они всю дорогу спорили. Рик со дня на день порывался нарушить договор и связаться с центром. И сделал бы это сегодня, если бы Марла его не опередила. Она молчала, но Рик знал – уже пару дней Марла вынашивала в голове очередную безумную идею, и теперь бросилась её исполнять.

И сейчас, представив что может потерять Марлу, Рик уже был не так уверен в своей правоте...

Во сне Марла сказала: «сегодня»...

Забыв про температуру и головную боль, Рик подскочил с кровати.

Правильно, сегодня двадцать первое ноября – фаза всплеска излучения аномалии!

Натягивая на ходу джинсы, он сбегал вниз. Дайого уже собрался и поджидал его во дворике, будто и не уходил отсюда с вечера.

Они сели в «Форд», и на предельной скорости понеслись в сторону котлована.

В голове дробью стучало слово из чужого языка: Чи-ко-мос-ток. Рик попытался переключиться – ему было о чём подумать, кроме местных суеверий – но дробь от этого не становилась тише.

– Дайого, что такое Чикомосток? – пересилив себя, наконец спросил он.

– Прародина всех людей, дьерево семи пещер, или миров, – неожиданно охотно отозвался мексиканец, – ствол соединяет пещеры-ветви, и через нього люди выходят в наш мир.

Рик вспомнил коврик на стене, хмыкнул. Прародина всех людей! Таких «прародин» в каждом мексиканском городке сыщется с дюжину. Не на все, правда, падают метеориты.

Боль раскроила голову надвое. «Стоп!» – сквозь спазм подумал Рик. Ствол, который соединяет миры... Ноль времени! Нулевая точка! Легенда иносказательно описывала реальные физические явления – то, что они с Марлой обнаружили, когда работали на «Нео-Эйдж», но держали втайне от всех. Ось нуля времени запускалась именно той частотой излучений, которая была типична для аномалии; она же связывала все параллельные варианты развития событий, как ствол дерева – ветки. Выходит, аномальная зона служила огромным коридором между альтернативными вариантами прошлого и будущего. Используя этот коридор, они могли не только калибровать частоты и перенаправлять излучение, но и...

Додумать мысль он не успел, сзади завывающая полицейская сирена. Ни Рик, ни Дайого не стали оглядываться. Что тут гадать: в машине мексиканской полиции сидит спецназ ЦРУ, у которого наверняка имеется особый приказ касательно некоего доктора Эванса.

Мексиканец крепче ухватился за руль и вдавил педаль газа в пол. Рик набрал Хану, впрочем, уже зная, что она не ответит.

На горизонте росла стена зелёного тумана, сегодня она казалась ещё насыщеннее и плотнее.

Волна дежавю захлестнула его с новой силой.

Он отчетливо понял, что сейчас Дайого высадит его поближе к трейлеру, как уже делал однажды, когда в другом прошлом вёз Марлу к котловану.

Взвизгнули тормоза. Рик на ходу выпрыгнул из «Форда», побежал к трейлеру.

Теперь мексиканец вернётся, чтобы отвлечь полицию на себя. И точно – Рик краем глаза заметил, как Дайого развернул машину и помчался навстречу полицейским.

Рик услышал выстрелы, но даже не испугался. Казалось, это всё происходит не с ним, а с актёром в каком-то абсурдном фильме. Рик схватился за дверцу трейлера – надо быстрее запустить частоту, чтобы покончить с этой проклятой лихорадкой и ящерами.

Боль вспыхнула в голове, ослепила. «Вот где ваша смерть» – вспомнились слова мексиканца. Рик застонал и заставил себя повернуться, уже зная, что сейчас сюда въедет машина Дайого.

На него нёсся старый «Форд». Машина врзалась в зелёное марево, перед самым обрывом зашла на крутой вираж, резко затормозила.

Рик тряхнул головой. Пара минут у него есть – полицейский явно не справится с управлением. Он дёрнул дверь и боковым зрением увидел, как полицейская машина на всей скорости улетела в котлован.

Это всё уже было, и теперь повторяется снова.

У него осталось совсем мало времени – сейчас появятся новые джипы. И в следующую секунду он услышал вой сирены.

Рик рванулся к «Форду», выволок раненого Дайого. На боку у мексиканца расплывалось красное пятно, он еле переставлял ноги, однако не забывал придерживать одной рукой шляпу. Рик потащил Дайого к трейлеру, стараясь опередить новую группу спецназа.

– Глупые у вас на съевере люди, Риккардо! Зачем мьеня зпасаете? Всьо равно уйду, а вы ещѐ успеете...

Перед внутренним взором Рика прошли кадры другого прошлого – он бросил Дайого умирать в одиночку, мексиканец так и остался сидеть раненым в машине. Тогда Рик слишком спешил утнаться за Марлой. Или отомстить ящерам.

– В следующий раз поумнею.

– Скажите сеньоре Марле, что Дайого Сото её вспомнил, она – хороший человек.

Мексиканец отключился – повис на руке Рика. Тот увидел на горизонте хромированные морды полицейских внедорожников, сжал зубы, заволок Дайого в трейлер, примостил на полу.

Нащупал в кармане визитку, комок шарфа Марлы – и выбросил в серо-жёлтую пыль котлована.

Круг замкнулся.

Дайого всегда трепетно относился к Марле – и в том прошлом, и в этом настоящем. Может, потому что она на свой страх и риск, пользуясь их новыми разработками, спасла мексиканца от лихорадки. А может, они были просто похожи – оба могли отдать всё, что имели, и даже больше, лишь бы помочь другим.

Рик торопливо включил панель, тихо заработали катушки. Он помнил параметры сигнала наизусть, осталось ввести данные, откалибровать сигнал радиополосы, так чтобы усиленный излучением аномалии, он прицельно ударил по злопастному вирусу. Близлежащую территорию он избавит от лихорадки и от динозавров. Да, пострадают люди, но это того стоит. Раз за ним прислали такой эскорт, правительство не очень хочет распространяться о находках. Надо спешить, пока он ещё что-то может сделать. Рик принялся колдовать над аппаратурой...

Раздались выстрелы, пули врезались в обшивку трейлера, там и застряли – бронированный корпус выдержал.

Мексиканец очнулся, тихо застонал.

«Вот где ваша смерть» – снова завертелось в голове Рика, но уже с другим смыслом. Эту фразу он бы с удовольствием выплюнул в уродливые морды безмозглых ящеров.

Осталась малость – запустить программу и попытаться уместиться в кресло вместе с Дайого – поле, создаваемое катушками, защитит их от непривычного излучения. Он не хотел очнуться через пару часов вмятым в обшивку трейлера. Рик потянулся к экрану.

– Убьѐте их?

Рука замерла на полдороги. А ведь в другом прошлом он уже запускал такую программу. Хотел уничтожить ящеров, но лишь вернулся в ветку, где снова получил возможность это сделать. И снова потерял Марлу – два месяца назад, ровно в тот день, когда она исчезла в параллельной реальности. Импульс уничтожения ни к чему не привѐл, он только заиклился смерти. И Дайого, которого Марла однажды отвоевала у лихорадки, вот-вот погибнет второй раз, помогая им. И сделает это совершенно осознанно – мексиканец всё вспомнил гораздо раньше Рика. А он только теперь понял, что простоватый Дайого Сото тоже кое-что смыслил в вирусах и электромагнитных полях...

С минуты на минуту их убьют – как тогда застрелили Марлу во время перехода, прямо в кресле, как расстреляли его. Неовики надёжно похоронили свои секреты.

Трейлер сотрясся от длинной очереди.

Рик в сердцах стукнул кулаком по обшивке. К ящеру, он не хочет больше смертей!

– Нет, доктор Сото. Я же обещал поумнеть.

Он схватил обессиленного мексиканца под руки, усадил в кресло и лихорадочно стал менять программу. Найти архив за восьмое сентября, расшифровать координаты, настроить коридор связи с альтернативной веткой, отправить сигнал на антенну, активировать защитное поле. Они так и не успели проверить систему в действии, и он не знал, удалось ли Марле «прибыть по назначению» прежде, чем она была здесь убита. Но он должен попробовать.

Рик завершил ввод программы, рванулся к креслу.

Он почувствовал, как его затягивает в тоннель, увидел светлое пятно на другом конце.

Плавно, будто в замедленной съёмке, отлетела дверца трейлера. Рик сделал шаг, закрыл собой мексиканца. Солдат выстрелил с ходу, тело Рика дёрнулось, но он не ощутил боли.

Трейлер исчез, и Рик ослеп от света.

– Завораживает, правда? – раздался хриловатый женский голос за его спиной.

Рик застыл на месте, не смея ни выдохнуть, ни повернуться.

Медленно, очень медленно он всё-таки развернулся, поднял глаза. Девушка с короткой стрижкой приветливо улыбалась ему.

Рик проглотил сухой комочек.

– Марла Белл, археолог! – девушка протянула руку, – а вы...

– Ричард, – он лихорадочно тряс руку Марлы, всё не решаясь выпустить тонкие пальчики, – доктор Эванс...

Девушка с любопытством изучала его. Вдруг ойкнула, выдернула руку, чтобы поддержать выскользгающую коробку с экспонатами. А точнее поделками, каких в любой мексиканской деревушке пруд пруди – глиняными фигурками людей и динозавров.

– Давайте помогу, – Рик подхватил коробку.

– Осторожнее, это уникальные артефакты! Полностью противоречат теории современной археологии.

До сих пор неизвестно их происхождение.

Рик хмыкнул, он уже догадался, откуда здесь эти фигурки – зацепив лавки в окрестностях эль Торо, их спонтанно перебросила сюда зона аномалии. Но он, конечно же, ничего пока не скажет Марле. Может, когда-нибудь она вспомнит сама.

Что ж, её «лекарство» от лихорадки оказалось самым действенным – Марла задала волну, которая исключала первых носителей вируса, не уничтожая их напрямую, и девушку перебросило в реальность, где динозавры вымерли в ходе эволюции.

– Сеньора Бьелл!

– О, знакомьтесь доктор Эванс, это Дайого Сото, мой коллега!

Дайого не преминул поправить шляпу, и только после этого подал руку Рикю. Странное сочетание боли и радости промелькнуло в его взгляде. Рикю показалось, мексиканец его сразу узнал и всё понял.

– Грустные новости, сеньора! Сегодня в Нью-Йорке террористы взорвали башни-близнецы...

Рик моргнул, вытер вспотевший лоб. Первый раз в жизни он не мог обвинить в смертях ящеров. Хватит себя обманывать, причина их трагедий не в динозаврах и не в лихорадке, Дайого правду говорил, она в сердце. В том мире, где его расстреляли, ничего не поменялось. И он не может отвечать за всё человечество, но должен хотя бы сложить оружие сам. Ради себя, и ради Марлы.

– Я хочу вам помочь, – обратился он к девушке, – поверьте, я немало знаю о динозаврах.

Взбодороженная новостями Марла оторвалась от беседы с Дайого, совладала с собой, печально улыбнулась. И он наконец увидел в её глазах то, что так долго искал. Мир.

¹ «Фигурки Акамбаро» – коллекция из более чем 33 тысячи миниатюрных глиняных статуэток, изображающих людей и вымерших животных, в частности, динозавров. Собрана археологом-любителем Вальдемаром Юльсрудом (Waldemar Julsrud), который утверждал, что нашёл их первые экземпляры в 1945 году во время раскопок близ Акамбаро в Мексике. В ходе научных исследований установлено современное (не ранее 1930-х годов) происхождение этих «артефактов».